

НАМ НУЖЕН ТАНАТОС

Действующие лица:

Аня – культурный журналист, мечтающий сменить профессию, 28 лет;
Людмила – ее подруга, пиарщик крупной нефтегазовой компании, 32 года;
Илья – театральный продюсер, 35 лет;
Эдуард – художник-аутсайдер, 33 года;
Ангелина – пиарщик театра, 42 года;
Сергей – театральный деятель, приятель Ильи;
Павел Олегович – худрук одного из московских театров, 65 лет;
Владимир – крупный начальник в нефтегазовой корпорации, экс-любовник Людмилы.

Зоя Петровна – мама Эдуарда.

Дополнительные персонажи:

Девушка в приемной депутата

Охранник

Психотерапевт

Медсестра

Администратор

Официант

Журналист 1

Журналист 2

Журналист 3.

Картина первая

Темнота. Телефонный разговор.

Женский голос: Приемная депутата Москалёва, здравствуйте!

Эдуард: Аллë, аллë, девуууушка, деееевушка!

Женский голос: Я слушаю.

Эдуард: Деевушка... Кааак вас зоооовут?

Женский голос: Алена.

Эдуард: А я Ээдуард Хомяков. Алена, я художник. Иинвалид. Пееетр Ивааанович хваалил мои картины. И ноууутбук обещаал кууупить на встрече с

избираателями. Я на компьютере рисовать хочу. И ничего нет пока. И извините, я волнуюсь.

Женский голос: Еще раз. Вы инвалид или художник? Как мне записать?

Эдуард: Напишите художник-аутсайдер. Через дефис. Он должен вспомнить.

Женский голос: Записала. С вами по телефону, который определился, связаться?

Эдуард: Да.

Женский голос: Спасибо, Эдуард. Ваш звонок очень важен для нас. Вам перезвонят.

Охранник: Опять бабка какая-нибудь, которой крышу не починили?

Женский голос: Не, шизик какой-то звонил. Художник-аутсайдер. Лузер, короче.

Картина вторая

Кабинет психотерапевта.

Психотерапевт: «Вальдоксан», «Серената». Ммм... «Алпрозалам», «Феноземпам»? Богатый опыт, милочка. От чего страдают молодые, красивые и талантливые?

Аня: От того же, от чего немолодые, страшные и бездарные.

Доктор: Поматросил и бросил?

Аня: Что самое обидное, даже не матросил.

Доктор: Ах да, простите, я вижу, тут написано, что вы... Ну, в ваши-то годы, с вашей внешностью и профессией... Странно, очень странно. Слепли мужики что ли?

Аня: Доктор, выпишите мне снотворное, я трети сутки не сплю.

Доктор выписывает рецепт.

Аня (берет в руку картинку со стола): А это что?

Доктор: Это из истории болезни. Пациент у меня есть такой интересный. Эдик Хомяков. Начал рисовать и, знаете, перестал резать вены. Изучаем. Держите рецепт. Никакой работы по ночам. И помните: лучшее снотворное в вашем возрасте – это регулярный, здоровый, ежедневный...

Аня (краснея и пятясь к двери): Спасибо, доктор. До свидания.

В регистратуре.

Аня: Извините, я подруга Эдуарда Хомякова. Вы не могли бы дать его телефон? Я потеряла.

Медсестра: Ну, это персональные данные вообще-то.

Аня: Девушка, мне очень нужно.

Медсестра: Влюбилась что ли?

Аня: Почти.

Медсестра: Молодым знакомиться негде – уже в психушках начали. Записывай.

Картина третья

Театральный зал. Начало спектакля. Надпись на мониторах по бокам сцены:

*«Театральный альманах «Шейкспир». Все совпадения с творчеством Уильяма Ш
случайны, за оскорбление чувств зрителей несет ответственность Тамара Z».*

На сцене – танцпол, играет бешеная музыка. Несколько танцующих молодых людей берут порошок у драгдиллера. Темп музыки замедляется, люди двигаются, как в замедленной съемке. Видеопроекция – фото из офисной жизни «белых воротничков», которые чередуются картинками отрывов на дискотеках, приема наркотиков, секса. На экранах мелькают слова «Быть/Не быть», потом остается слово «Или». Среди танцующих появляется раскачивающееся в петле тело, но люди на сцене не обращают на него никакого внимания.

Театр. Опустевшее после третьего звонка фойей.

Людмила: Мужика найди, квартиру сними, а теперь еще сексопатолога раздобудь. Не жизнь, а сплошной фандрайзинг, блин. Не, с баблом все хорошо, но там же чем выше доходы, тем ниже...Настроение, да. Последнее время ниже плинтуса, даже по утрам. Слушай, тут действие уже началось. Да пустят, куда денутся. *(Кладет трубку и говорит администратору на входе в зал).* Извините, я немного опоздала. У меня первый ряд партера.

Администратор: Прошу прощения, но после третьего звонка в зал не пускаем.

Людмила: Послушайте, я опоздала на три минуты, а билет у меня за шесть штук.

Администратор: Ничем не могу помочь. Могу проводить вас на балкон. Таковы правила театра.

Людмила: Меня ваши правила...О, Павел Олегович, добрый день!

Павел Олегович: Добрый.

Людмила: Извините за наглость, но Вы не могли бы мне помочь пройти в зал? Полгода копила на билет, а по дороге попала в ДТП и опоздала. В собственный День рождения, представляете?

Павел Олегович (усмехаясь): Так есть хочется, что переночевать негде? Идемте.

Проводит через служебный вход, Людмила поднимает зрителей, которые оглядываются на нее и на худрука, и занимает свое место рядом с Аней в первом ряду. Чмокает оторопевшую Аню в щечку.

Аня: Ну, ты даешь! Вы что, знакомы?

Людмила: Просто встретила в коридоре и попросила провести.

Аня: Худрука?

Людмила: А в чем проблема его попросить? Ты его жену новую видела? А я на три года моложе!

На сцене выстраиваются в ряд обнаженные актеры с табличками: «Король Лир», «Ромео», «Джульетта», «Гамлет», «Офелия», «Отелло», «Дездемона», «Яго», которые плотно прижаты к гениталиям. Вдруг Король Лир поднимает табличку к сердцу.

На экране надпись: *О душе надо думать, Господа!*

Людмила: Единственное, о чем думаю: почему ни у кого из них не встает.

Аня: Тссс...

Людмила: Да ладно, думаешь, у меня одной такие мысли?

В зале буря эмоций. Часть зрителей свистит и кричит «Позор!», часть выходит из зала, часть смеется и аплодирует.

Людмила: Что за хрень?

Аня: Тише, я предупреждала. Это актуальный театр.

Людмила: Актуальность налицо. При чем здесь театр?

Аня: А лицо при чем? *(смеется)*. Ты неподготовленный зритель, а современный театр требует работы.

Людмила: Почему за свои кровно заработанные я должна разбирать чужие приходы?

Аня: Сейчас поймешь!

Подходят к Ангелине, вокруг которой собираются журналисты. Аня достает диктофон и становится рядом с ними, Людмила остается чуть в стороне.

Журналист 1: Ангелина, скандальный проект «Шейкспир» взорвал зал. Вы рассчитывали на такой эффект?

Ангелина: Это вполне объяснимо, ведь Шекспир присвоен массовым сознанием и культурой. Рефлексия по поводу наследия творца и декомпозиция образа Шекспира, рожденного коллективным бессознательным, – достойный челлендж для современных

художников. Мы поставили уникальный эксперимент. В нашем проекте участвуют люди, вообще не были знакомые с творчеством Шекспира.

Журналист 2: Может быть, поэтому многие зрители уходили, не дождавшись финала постановки?

Ангелина: Неприятие происходящего на сцене – право каждого. И одинаково благодарны и тем, кто ушел, и тем, кто остался.

Журналист 3: То есть вам наплевать?

Ангелина: По большому счету мы...

Официант: Дамы и господа, прошу к столу!

Журналисты выключают камеры и спешат к столу.

Фуршет.

Аня: Теперь понятнее?

Людмила: Понятно, что основы современного искусства – интимная эпиляция и грамотный пресс-релиз. Но с эпиляцией дела обстоят гораздо хуже.

Аня: Интерпретация сегодня часто становится важнее высказывания.

Людмила: А к тетке вопросов нет, говорит, как пишет. Я даже думаю, не переманить ли ее к нам. С такими талантами последний бомж в Мухосранске поверит, что Газпром – его личное достояние. Одного не понимаю: почему ты до сих пор не современный художник?

Аня: В смысле?

Людмила: Ну, главная идеологиня тебе улыбается, мужики местные вон тоже поглядывают. Чего теряешься?

Аня: Мне кажется, мне пока нечего сказать...

Людмила: Кисунь, щас главное не прокукарекать, а вовремя открыть клюв. А ты щелкаешь!

Аня: Если честно, была у меня одна идея...Недавно писала статью про художника. Он аутсайдер.

Людмила: То есть?

Аня: Страшные проблемы с психикой. Пишет, чтобы не покончить с собой. Искусство, которое буквально спасает жизнь, понимаешь? Живет с мамой на окраине Москвы, перебивается с гречки на макароны...

Подходит Ангелина.

Ангелина: Анечка, блестящая рецензия на премьеру в прошлом номере. А можно Вас на минутку?

Людмила отходит в сторону и приближается к бурно обсуждающими что-то Илье и Сергею.

Илья: Спасай! Немцы дают грант на социальную постановку... Есть маза получить не кислые бабки, но эскиз спектакля нужен через две недели!

Сергей: А че нужно-то?

Илья: Серег, как первый раз замужем, ей Богу. Не понимаешь, че от нас хотят? Глухая умирающая деревня, километров 50 от райцентра, а лучше 100. Единственная дорога...

Сергей: Может, лучше без дороги?

Илья: Можно и без дороги, мы же не кино снимаем, и 20-минутный план героя, уходящего в закат, нам не нужен. Короче, глухая деревня, в которую можно добраться только через лес. Такой символ непролазной русской души, такой Достоевский и Ларс фон Триер в одном флаконе! Проблемная семья, отец-алкоголик, мать-наркоман, безногий мальчик...

Сергей: Если еще и безрукий – жирный плюс. А если там еще будет тощая лысая девочка после тяжелой операции...

Илья: И дедушка – веселый Альцгеймер – ветеран Второй мировой...

Сергей: Лучше Первой. Тогда на следующий год автоматом дадут в два раза больше. За острую социальность!

Илья: Чувак, дай пять, есть еще порох! Ну че, свистнешь своим, пусть по сусекам поскребут...

К Сергею и Илье подходит Людмила.

Людмила: Молодые люди, прошу прощения, что вмешиваюсь, но, кажется, у меня есть то, что вы ищете.

Илья: А вы откуда?

Людмила: Вообще из нефтегазовой отрасли.

Илья: О! Хотите поддержать нищий русский театр? Так для вас есть отличный материал! Представьте: глухая деревня, 100 километров от райцентра, нищета, бездорожье. Нооооо... Газпром решает провести туда газ.

Сергей: И, что удивительно, таки проводит!

Илья: Где газ – там и дорога – символ новой русской жизни. К бабушке, больному Альцгеймером, в теплой хате возвращается память. У девочки отрастают волосы.

Сергей: А у мальчика – ноги.

Илья: Нет, это слишком. Просто Газпром покупает ему крутые протезы. Отец зашивается, мать-старушка слезает с «крокодила». Что за чудеса творит голубой огонек!

Людмила: Я думала, голубой огонек проходит по ведомству вашего театра.

Илья: А газовщики нынче остроумны...

Людмила: Не без этого. До того, как вы меня бесцеремонно перебили, я предлагала материал для спектакля. В Москве...

Илья: В Москве плохо. Даже овцы в Австралии знают, что это не Россия, не говоря уже о братской Германии.

Людмила: А вы покажите им другую Москву. Маленькую хрущевку на окраине, там живет душевнобольной гений. Регулярно калечит себя и пишет картины, чтобы не убить.

Илья: Слушайте, а для офисного планктона вы неплохо разбираетесь в современном театре.

Людмила: Я просто кит продаж. И мне все равно что продавать – семечки или Мерседес.

Илья: Надеюсь, Мерседес в данном случае – это мы.

Людмила: Тест-драйв пройдите сначала.

Сергей присвистывает, Илья долго смотрит ей в глаза.

Сергей: С каждой секундой чувствую себя все более маленьким человеком. И очень хочется поискать свою шинель, оставив вас вдвоем.

Илья: Стопэ, Серега, щас не личное главное, а забугорный грант. Серег, а это мысль, да? Гениальность и помешательство! Русский Ван Гог с большим потенциалом членовредительства. А это реальный чувак?

Людмила: Реальной некуда. Сейчас познакомлю с подружкой, которая напишет для вас этот шедевр. Не бесплатно, разумеется.

Илья: Разумеется.

Илья и Людмила подходят к Ане, которая разговаривает с Ангелиной.

Ангелина: Надеюсь, Анечка, не воспринимайте мои слова как давление, но лучше не упоминать, что половина зрителей ушла со спектакля.

Аня: Я подумаю.

Ангелина: Подумайте. Кстати, Павел Олегович хотел бы дать эксклюзивное интервью, и мы хотели, чтобы его взяли вы. Созвонимся, как выйдет статья про Шекспира, ок?

Людмила: Ангелина, прекрасно все было. Очень свежо. И Аня, думаю, грамотно подаст. Тем более, что она сама без пяти минут современный драматург.

Аня: Что?

Людмила: Я тут поговорила с Ильей, он берет твою-мою пьесу про сумасшедшего художника.

Илья: Текст нужен через неделю.

Аня: Да это полгода работы!

Илья: Все нормально, ты принеси записи интервью, а мы причешем, расставим акценты. Только легенду какую-нибудь придумать, чтобы он не знал, для чего снимается. Может, выставка какая-нибудь...

Людмила: Дрезденская биеннале наивного искусства. Его выбрали чудом, надо только придумать, каким.

Аня: Я думала, абсолютная честность – главный принцип вашего театра.

Илья: Я тоже так думал. А потом начал работать.

Аня: Я никогда не врала героям.

Илья: Время начинать.

Людмила: Только представь: твое имя – не в газете для бабулек, а на афише крутого московского театра.

Илья: Ну, по рукам?

Аня робко подает руку, Илья ее целует.

Ангелина: Анечка, Илья опытный театральный продюсер, он гарантирует результат. А вы давно выросли из журналистики.

Аня смущенно улыбается.

Илья: Время не ждет. Писать интервью будем на видеокамеру, записи потом вставим в спектакль. Серег, сколько времени на монтаж?

Сергей: Два дня – за глаза.

Илья: Прекрасно! Актер, который будет играть этого чудика, за неделю выучит роль.

Сергей: Сойкина попросим?

Илья: Сойкина. Ну не того, который рыжий, а который лысый. С режиссером, художником я договорюсь. Все будет зависеть от вас, госпожа драматург. Серег, подвези Аню. А я отвезу прекрасную даму из Газпрома.

Расходятся.

Квартира Людмилы. Целующиеся Илья и Людмила.

Илья: А у тебя со всеми так быстро получается?

Людмила: Только с настоящими профессионалами.

Илья: Интересно. Но предупреждаю: профессионализм половым путем не передается.

Людмила: А давай попробуем. Вдруг получится?

Картина четвертая

Квартира Эдуарда. Эдуард рисует, Аня устанавливает и тщательно выставляет свет. Она хочет, чтобы картинка была идеальной.

Эдуард: А зааачем им видео, есть же кааааартины?

Аня: Куратор биеннале хочет видеоинсталляцию, чтобы публика лучше узнала автора.

Эдуард: Это правда лучшая выставка в Германии?

Аня: Давай уже начнем.

Эдуард: Я сразу понял, что мне поможешь ты. Не депутаты, не искусствоведы, а ты.

Аня: Поехали.

Эдуард: Что мне говориить?

Аня: Просто отвечай на мои вопросы, не думая о камере.

Эдуард: О каааамере не думать сложнее, чем про фиолетовых обезьян.

Аня: Про белых.

Эдуард: Про фиолееееетовых не думать труднее, чем про белых.

Аня: Вот видишь, уже шутишь. Расслабься. Представь, что это съемка для семейного архива.

Эдуард: Для аааархива меня снимал папа...

Аня: Где он сейчас?

Эдуард: Ты же знаешь.

Аня: А зрители нет.

Эдуард: Ууушел через год после моего пееервого приступа. Не вынесла душа поэта...Он правда был поэтом, нааастоящим. Печатался в толстых журнаааалах, а не в заводских газетах, где одни графомаааны. Мама говорит, отцы редко такое выносят, особенно пооооэты. У них дуууша тонкая, понимаешь? Я его не виню, он нормаальный муууужик, хоть и с тонкой дууушой. Он себе простить не мог, что купил мне скейт.

Аня: Какой скейт?

Эдуард: В вооосьмом классе за то, что я без трооооек закончил год. Он гооооворил, надо учиться не ради оценок, но в пятом клааасе разве можно понять, ради чего еще учиться? У меня все получалось, кроме...угааадай?

Аня: Рисования?

Эдуард: Так не честно, сразу угадала! Ты очень умная.

Аня: Спасибо. Итак, ты учился ради оценок.

Эдуард *(не дождавшись реакции на комплимент)*: Я показал дневник, и мы пошли с отцом в магазин. Я выбрал зелееную доску, как в рекламе. И мы пооошли во двор, и я видел, как все мне заавидовали. Помню тех двоих с острыми, как заааааточки, глазами. У них не было скейтов. И пап не было.

А на следующий день я один катался на шкоооольном дворе. Они напали на меня за школой, когда все ушли. Повааалили на землю, и начали бить ногами в керзачах, чтобы больнее было.

Я бы отдал им скейт, но они не просили, они знали, что и так его отберут, им нужен был я, нужна была моя боль. Сначала били невпопад, а потом ритмично, настроились на одну волну, и пинали в такт. Они были просто садисты.

Я отпустил скейт и начал скуулить: «Ребята, пожалуйста, не надо, миленькие, пожалуйста!». Я называл их миленькими, как беспомощный дед, я понимал, что забьют прям тут, если не будет скулить и причитать. А они продолжали бить, по почкам, в пах и по голове, по голове, по голове, и говорили, что я ублюдок, маменькин сынок, сука, мразь, что таких надо убивать, как щенков, вставлять в задницу сигарету и смотреть, как они медленно подышают.

Эдуард начинает малевать с сумасшедшей энергией, повторяя: «Пусть подышают». На полотне отчетливо проступает какая-то страшная физиономия, похожая на древнюю маску, которые находят на раскопках. Лицо Эдуард тут же начинает замазывать черным.

Меня нашли и доставили в реанимацию. Был разрыв кишечника. Они спасали внутренние органы, а про голову никто не думал, и сотрясением занялись в последнюю очередь. Клево, да? Спасают всегда сначала тело. Хотя зачем оно, если теряешь мозг?

Я вышел из больницы, а через месяц вскрыл себе вены в ванне. Папа меня нашел, говорят, плакал и разговаривал со мной по дороге в больницу. Была зеленая марля перед глазами, а потом очнулся с перебинтованными руками. Когда я выписался, он уже ушел. А я нарисовал свою первую картину.

Картина пятая

Квартира Людмилы.

Илья: Смотри – правда чьи-то рожи. Концептуалист, однако! Но, прямо скажем, не Мунк, прямо скажем, хотя почти Эдвард.

Людмила: Цена вырастет после спектакля. Это сейчас он Эдик Хомяков. А после постановки – безумный гений. Все раскупят. В конце концов, я тоже в школе рисовала круче Уорхолла.

Илья: А с Анькой-то заигрывает: любви хочет.

Людмила (хохочет): А она так смешно краснеет.

Илья: А че теряется? Говорят, у психов ого-го (*показывает жесты, имитирующие половой акт*). Че? Че не нравится?

Людмила: Не люблю пошлость.

Илья (передразнивая): Не люблю пошлость! Можно подумать-можно подумать... Ладно, мадам, сейчас вы увидите, на что, кроме пошлости, способен ваш деловой партнер. Спорим, что я уговорю любого современного режиссера ставить нашу пьесу? Если да, ты танцуешь стриптиз.

Людмила: Идет. Позолотников.

Илья (присвистывает). Губа не дура. (*Берет телефон и звонит*). Женька, привет! Мы тут в полушаге от немецкого гранта, есть совершенно бомбовая пьеса. Документальная, про сумасшедшего художника. Ван Гог наших дней. Подняли мяса, вставим в спектакль. Идолопоклонников умолял меня отдать ему, но я же твой фанат, да и с обнаженкой ты работаешь лучше, а нам там очень нужна обнаженка. Так что, пишу тебя как режиссера в заявку? Все дорогой, видос покажем на следующей неделе.

Людмила: Неплохо.

Илья изображает танец вокруг шеста, набирая следующий номер.

Илья: Иришка, привет! Позолотников ставит для меня шедевр– спектакль про сумасшедшего художника. Нужен проект декораций, подаем на грант. На все про все пять дней. Детка, зачем текст? Ты художник - мысли картинкой! Гонорар в два раза больше, чем за «Ублютков»? Лады? Обнимаю, моя хорошая!

И отполировать! (*Набирает номер*): Павел Олегович? А у нас тут интересный сюжет: Позолотников с Перемоловой делают для меня спектакль, Сойкин в главной роли. Подаем на грант к немцам, и, сами понимаете, процентов 80, что выгорит...Письмо поддержки: верю в нашу молодежь, все дела. Все, Павел Олегович, завтра курьер у вас, обнимаю! (*обращаясь к Людмиле*). Ну как?

Людмила: Впечатляет.

Илья: Готовься к расчету.

Картина шестая

Квартира Эдуарда. Аня снимает на камеру интервью с Эдуардом.

Эдуард: Я всегда рисую лица, этой мой код. Что ты улыбааааешься? Думаешь, я не да Винчи? В конце концов, он тоже не мечтал, что станет черепаааашкой.

Аня: Забавный ты.

Эдуард: А ты краааасивая.

Аня молчит.

Эдуард: Почему ты не отвечаешь?

Аня: Потому что я – подставка для камеры. А ты – мой герой.

Эдуард: Забавно. Раньше мужчина ууууер бы от счастья, узнав, что он для девушки герой. А сейчас это значит, что ты - материал для монтажа.

Аня молчит, но не может скрыть улыбку.

Эдуард: Пообещай, что мы увидимся, и ты мне про сеебя расскажешь. Мне очень иииинтересно про тебя.

Аня: Про меня неинтересно. Я просто перевожу людей в тексты.

Эдуард: Наоборот. Ты очень краааасивая и не пониимаешь, что это значит - мне с тобой находиться.

Не перебиваааай... Когда я рисую, у меееня нет границ, я свооободен. А в жизни я их поооонимаю. Это важно таким, как я, понимать свои грааааницы. Вот ты знаешь, что есть много дверей, и ты туда войдешь, если зааааахочешь. А у меня – все зааакрыто. Многие тебя целовали, а я не могу тебя даже за руку взять. Но я могу на теебя смотреть. Взгляды дольше помнятся. Поцелуй, секс – это про прошлое, а

взгляды – это обещание, это будущее. Клево, да? В женском журнале прочитал. Так смешно, про что там пишут. Поправилась на два килограмма, один ууушел, а другой еще не появился... А тут сидишь и думаешь: зарежешь себя завтра или нет? А главное – если Бог есть и не прощает сааамоубийц, то меня как будет судить: за предумышленное или непредумышленное сааамоубийство?

Аня: Эдик, у тебя все еще будет.

Эдуард: Да ничего не будет! Знаешь, сколько сил нужно, чтобы перестать надеяться? Чтобы не выпрыгивало сердце, когда тебе девушка красивая в маршрутке улыбнется? И сразу понять, что она улыбнулась не тебе, а потому что у нее настроение хорошее, она на свидание едет, и любит весь мир. Ты этого никогда не поймешь, потому что ты знаешь, что у тебя много возможностей. Ты могла стать актрисой, учительницей, врачом, президентом. В 45 ты поймешь, что это обман, и уже не будешь ни путешественником, ни балериной, ни певицей. Но большую часть жизни ты проживешь с надеждой, и будешь счастлива. А мне 45 было в 13.

Когда я рисую, я освобождаюсь от глаз внутри. Эти артисты, банкиры, писатели... Я встречаюсь взглядом с мамой, и понимаю, что она тоже их видит. И в самой-самой глубине души, бессознательно, она на стороне этих зародышей, из которых мог вырасти ее нормальный, успешный сын. И она щас не была бы нищей разведенкой с припадочным на руках.

Врачи говорят, когда они выйдут из меня, я перестану рисовать так же, как начал. А я этого боюсь. Мне наконец открылась какая-то дверь, я художник. А если она захлопнется, опять стану просто калекой.

Картина седьмая

Владимир: То есть нашла нового папика?

Людмила: Вова, ты не слышишь: я влюбилась.

Владимир: Сколько вы знакомы?

Людмила: Неделю.

Владимир: Сколько же у него бабла, что ты за неделю смогла влюбиться? Ты же только в бабло влюбляешься.

Людмила: Влюблялась. Раньше.

Владимир: Люда, не смеди мои носки: ты же на каждого мужика смотришь, как на аукционе: кто дороже заплатит за твою задницу, сиськи и башку с бесполезными цитатами. Я платил и получал товар. А ты мне про любовь втирать будешь.

Людмила: Вова, мне просто нужно было переждать.

Владимир: Чего?

Людмила: Его. Дождаться его под чьим-то крылом.

Владимир: И ты мне в глаза говоришь, что использовала меня, как зал ожидания повышенной комфортности?

Людмила: Ну, я же не могла все время жить одна. Вдруг бы он не пришел? Или задержался лет на 40, и я бы его встретила в доме престарелых? Что мне было делать?

Владимир: Сука ты, Люда.

Людмила: А ты не знал?

Владимир: Я думал, ты верная, породистая сука, а ты – так, дворняжка, побежала за первым кобелем, у которого хер крепче.

Людмила молчит и улыбается.

Владимир: Я думаю, ты понимаешь, что ты больше у нас не работаешь.

Людмила: Да, я как раз хотела тебе сказать, что увольняюсь. Я теперь современным искусством занимаюсь.

Картина восьмая

Квартира Ильи. Приглушенное освещение, медленная музыка. Людмила танцует стриптиз.

Илья: Детка, какая ты красивая...

Людмила: Не прикасайся.

Илья: Почему? У нас новая игра?

Людмила: Секс, поцелуи – это всегда прошлое. А взгляды – это обещание наслаждения.

Илья: Сама додумалась?

Людмила загадочно кивает.

Илья: А у тебя богатый опыт, малышка? Сколько, десять, двадцать? Больше?

Людмила: Очень глупый мужской вопрос.

Илья: Мне тоже есть о чем вспомнить, я же не псих-девственник, который рисует баб, с которыми хочет переспать.

Людмила: С чего ты взял, что это бабы?

Илья: Да у него никого не было, кроме собственной правой руки? Это злобные бабы, которые ему не дали, начиная с собственной мамы. Все старик Фрейд объяснил.

Людмила: Все-все? И даже любовь?

Илья: Пффф... Потребность в любви создается, как в носках с повышенным содержанием эластичности: две недели рекламы по ящику и ты уверена, что не можешь без них прожить.

Людмила: То есть мы друг друга запрограммировали?

Илья: Стоп, стоп, стоп. Зая, мы люди с проектным мышлением. Проект «Люда плюс Илья» имеет срок. И не хотим превращать его в каторжный труд под названием «Семья». Наши концепции совпадают?

Людмила: Может, тогда, как деловые люди, сразу обозначим сроки?

Илья: Как скажешь.

Людмила: Премьера спектакля.

Илья: Замётано. Секс, я чувствую, обломался. Пойду трахаться с монологами психа.

Картина девятая

Люда звонит в квартиру Ани. Заспанная Аня видит Люду в костюме стриптизерши под растянутой шубой, тушь размазана, в руках бутылка шампанского.

Аня: Оооо, праздник удался...

Людмила: Ничто так не бодрит утром, как ночь с вибратором.

Аня: А где Илья?

Людмила: Знаешь, как говорила моя бабушка? Илья пророк в речку насрал! А Илья твой засрал! Испугался сильных чувств!

Аня: А были сильные чувства?

Людмила: А наш сумасшедший флирт, а как мы друг над другом стебались? Разве невлюбленные люди могут так издеваться друг над другом?

Аня: Я всегда думала, что любовь – это когда заботятся.

Людмила: Насмотрелась всяких голливудских соплей, не можешь себе нормального мужика найти, и краснеешь, когда какой-то псих... Думаешь, на видео не видно, как ты пятнами вся идешь? Дура ты! И я дура. Как думаешь, он ко мне вернется, а? *(плачет)*

Людмила лежит у Ани на коленях, та гладит ее по голове, на столе – чай с ромашкой и медом.

Людмила: Когда я начинала работать в журналистике, у меня был главный редактор. Когда хотела уйти в науку, полюбила ученого. В пресс-службу я пришла, увлекшись пиарщиком...

Аня: А психолог и юрист?

Людмила: Тогда я просто не знала, кем хочу быть.

Аня: Ты на 100% живешь интересами мужчин.

Людмила: Я на 100% живу своими интересами, которые воплощаются в мужчинах. Аня, это женская природа! Раньше бабы любили самцов, которые приносили мамонтов. У нас вместо мамонтов – бабло.

Аня: Почему же ты не замужем?

Людмила: Я тоже охочусь на мамонтов. У меня есть теория: есть два типа женщин – с геном хранительницы очага и с геном охотницы.

Аня: А есть третьи, у которых получается и то, и другое.

Людмила: Редко, но бывает. Они заваливают мамонта, прибегают домой, быстренько меняют охотничий костюм на халатик и зажаривают добычу. Приходит злоющий после неудачной охоты муж, и спрашивает: «Где взяла?». А она ему: «Милый, так это же ты убил в позапрошлом году. О, мой великий охотник, ты победил такого огромного зверя!». Этот мудака расплывается в улыбке, а на следующий день даже приносит домой маааленькую куропатку.

Аня: Коварные стервы.

Людмила: И мы должны такими стать.

Звонок в дверь. Аня открывает, в комнату входит Илья.

Людмила: О, мужчина с проектным мышлением!

Илья: Успокойся, а? У тебя что, течка начинается? Всю ночь не спал из-за тебя.

Людмила: А мог бы со мной.

Илья: Люда, когда у меня есть дело, я думаю о деле. Потому что работа не устраивает мне истерик и никогда не уйдет к мужику, у которого либо хер, либо кошелек больше. Ты вот что выберешь: хер или кошелек?

Аня: Не смей оскорблять мою подругу!

Людмила: Да он сюда за этим и приехал.

Илья: Я приехал о деле поговорить. С Аней.

Людмила: То есть я вам уже не нужна! Может, ты ее еще трахать начнешь?

Аня: Люда!

Илья дает Людмиле пощечину.

Илья: Успокоилась?

Людмила: Да.

Илья: Поехали.

Людмила: Куда?

Илья: Домой, идиотка. Ко мне. Или к тебе.

Людмила на него смотрит и вручает ему свою сумку, лежащую на диване.

Аня: Люд, ты ненормальная? Он же тебя ударил!

Илья: Анют, материал просто супер, можем не просто бабло отбить, а крутую вещь сделать.

Аня: Люда, как ты с ним можешь иметь дело?

Илья (закрывая дверь): Давай, Аня, утром узнаешь, как войти в театральную историю этой гребаной страны.

Аня: Да я не буду разговаривать с мужчиной, который бьет женщину!

Аня закрывает дверь, потом садится, закрывает лицо подушкой, потом набирает номер.

Картина десятая

Темнота. Две свечи. Очертания двух переплетающихся рук.

Эдуард: Я не знал, что так бывает.

Аня: Что до 28 не бывает?

Эдуард: Бывает, что и до 33 не бывает.

Аня: Интересно, а у Христа тоже не было?

Эдуард: Думаешь, он, как и я, ничего не мог дать Магдалине? Как думаешь, зачем он ей был нужен?

Аня: Наверно, с ним жизнь появилась. Ей жизни не хватало.

Эдуард: Тебе, такой красивой, жизни не хватает?

Аня: Мне врач говорит, я ее придумываю. А я очень жить по-настоящему хочу, но как-то не очень получается.

Эдуард: Ты придумываешь, а я рисую. Мы похожи. И у нас сегодня Тайная вечеря.

Аня: Мы не похожи.

Эдуард: Похожи-похожи, я это чувствую.

Аня: Слушай, извини, но мне ехать уже надо.

Эдуард: Побудь еще, пожалуйста.

Аня: Извини, не могу. Пока, увидимся на интервью!

Картина одиннадцатая

Квартира Людмилы. Илья, Аня и Людмила сидят на диване. Людмила – томная и в халате, лежит на диване, как кошка, и пытается продолжать любовные ласки с Ильей. Аня, чувствуя себя явно лишней, встает и отворачивается к окну.

Илья: Девочки, давайте о деле (*Илья убирает ноги Люды от ширинки*).

Стараниями Аннет, которая к нам все же пришла, у нас собирается отличный спектакль: есть шикарный монолог о порванных кишках и прекрасная Достоевщина о жизни в искусстве. Но без баб.

Аня: Своеобразное прочтение.

Илья: Нет третьего акта! Нет финала, доказывающего, что Эдик - Современный художник с большой буквы «Сэ». Нужна проверка на вшивость.

Аня: В смысле?

Илья: Контролируемый суицид.

Аня: Я не понимаю.

Илья: Что непонятного? Эрос есть, теперь нам нужен Танатос.

Людмила: Малыш, поконкретней.

Илья: Мы раскрываем карты. Говорим Эдику, что нет никакой биеннале, и он по-прежнему нахрен никому не нужен. Заботливая Аня убирает все, чем можно рисовать, когда разнервничаешься, зато кладет ножичек. Не острый. Убить им нельзя, но сильно поцарапаться можно. Актер на сцене, который будет играть Эдика, доделает дело. Но нам нужно видеосвидетельство, что прототип не зассал. Что он и есть настоящий герой нашего мудоблядского времени. Ну, что скажете?

Людмила молчит. Илья смотрит то на нее, то на Аню.

Аня: Вы что, с ума сошли? Люд, это розыгрыш?

Людмила растерянно молчит.

Аня: Я согласилась тебе помочь написать документальную пьесу, а не становиться соучастницей убийства.

Людмила: Анют, не драматизируй.

Илья: Детка, ты меня не слушаешь. Не будет ни самоубийства, ни убийства. Будет инсценировочка. Мы его потом быстро успокоим.

Аня: Вы с самого начала это планировали, да? Вы с самого начала хотели, чтобы я довела его до приступа?

Илья: Ты меня переоцениваешь. Сначала я думал, все фуфло: и чувак, и материал. Никто не предполагал, что у нас в распоряжении окажется такой характер.

Аня: Это не он. Это ты больной.

Илья: Анюттик, раскрой глазки. У тебя все идеально по Чехову: в начале есть потенциальный самоубийца, значит, в конце он должен суициднуть. А заодно проверим: художник он или фуфло.

Аня: Я думала, это проверяется качеством.

Илья: Я тебя умоляю. Миккелеанджело, Рафаэль и Леонардо могли меряться яйцами. Современные художники рисуют на песке, и чем их творчество отличается от рисунков играющих рядом трехлетних детей? Только одним – готовностью умереть за свой хрупкий замок.

Аня: Я хочу забрать все материалы. Это моя собственность.

Илья: Ах вот она как заговорила! Перед нами не просто девочка. Перед нами Автор. Лепаж и Тарантино, братья Коэны, Людмила Петрушевская!

Аня: Люда, я не буду это делать. Или не будет Илья. Решай.

Людмила стоит между Аней и Ильей, глядя в глаза то одному, то другому. Людмила отворачивается к окну, Илья кладет ей руку на талию, Людмила ее не убирает. Аня хлопает дверью.

Квартира Люды.

Илья: Ну что, кошечка, готова идти до конца?

Людмила: А я всегда считала, что дружба важнее, чем мужики.

Илья: Все так считают, пока не встречаются своего мужика. Которому хочется... Не знаю... варить бесконечный борщ и делать глубокий минет. Или наоборот: бесконечный минет и глубокий борщ.

Людмила: Которому хочется смотреть в глаза. Хотя он тебя бьет и собирается бросить.

Илья: Тебе же понравилось!

Людмила краснеет.

Илья: Обещаю тебя хорошенько отшлепать, когда у нас все получится. Решайся, пока твоя правдолюбивая подруга не испортила крутейший европейский спектакль сезона.

Люда: Илья, ну это правда как-то...

Илья: Люда, мать твою, мы делаем бомбу! Настоящую. Слезинка ребенка и тетки под поездами уже не работают. Мы покажем им новое! Мы – русские арт-террористы и ставим эксперимент, на который у них не хватит ни души, ни яиц. Хочешь в историю?

Людмила кивает.

Илья: Тогда скажи «да».

Картина двенадцатая

Комната Эдуарда. Людмила достает торт, выкладывает рядом с ним нож, Илья достает видеокамеру. Эдуард растерянно смотрит на них.

Эдуард: Я дуууумал, мы с Аней будем говорить.

Людмила: Анята приболела, а нас немецкие кураторы прессуют, видео нужно срочно.

Эдуард: Что с ней? Почему она не поооззвонила? Даваааайте я ее наберу.

Илья и Люда переглядываются.

Людмила: У Ани небольшая температура, и она просила дать ей поспать. Да вы не волнуйтесь.

Илья: Эдуард, времени немного. Начнем?

Эдуард: А может, надо сделать какой-нибудь перформанс? Я читал, что это модно.

Илья: Будет перформанс. Всем перформансам перформанс.

Квартира Ани. Она сидит дома и звонит по телефону.

Аня: Зоя Петровна, здравствуйте. А можно услышать Эдуарда? На каких съемках? У нас нет съемок. Кто приехал? Да, спасибо большое.

Аня хватает сумку и вылетает из квартиры.

Людмила: Эдуард, а о чем вы мечтали в детстве?

Эдуард: Ииизвините, мне сложно говорить, когда третей человек в комнате. Уууйдите, пожалуйста.

Илья: Люда, я за дверью подожду. Все будет хорошо, обещаю. Работаем на контрасте, поняла?

Эдуард: Вы нервничаете.

Людмила: Нет.

Эдуард: Вы меня боиитесь?

Людмила: Нет.

Эдуард: Не бойтесь, я еще никогда не никому не сделал больно. Мне говорили, размазня, не можешь дать сдачи, не можешь врезать. А я видел на месте человека себя, когда напали эти уроды и когда я просил не бить.

Людмила: Думаете, никогда не сможете ударить?

Эдуард: Мне кажется, я разрушу себя этим, взорву. Когда мы бьем, в тебе просыпается чудовище, даже если ты праааведник. А в том, кого бьют, наоборот, беззащитный маленький ребенок, у которого мама и папа. А маму и папу всегда жалко.

Людмила: Вы бы хотели вернуться в детство, Эдуард?

Эдуард: Когда был совсем маленький.

Людмила: Расскажите.

Эдуард: Была дача в деревне. Родители жили в городе, а я – с бабушками. Тупиковая улица, луг, речка и огромный двухэтажный дом, каак замок. А я был его хозяином. Начиная день с обхода курятника, разговаривал с курами и играл с кошками. Там вообще не было детей.

Поэтому я устраивал концерты старикам. Читал стихи и пел. Тогда мне никто не говорил, что я не умею петь. В детстве вообще не знаешь, как можно не уметь петь. Просто открываешь рот и поешь...

Я любил про войну, про нее бабушки рассказывали. Про эти колодцы, которые были набиты детьми, про немцев, которые угоняли в плен, и немцев, которые дарили русским детям шоколадки. Война была частью детства.

Шепотом (постепенно все громче и четче).

Тише-тише-тишина. Кукла бедная больна. Кукла бедная больна, просит музыки она. Расцветали яблони и груши, паааплыли туманы над рекой выходиила на берег Катюша, на высокоый берег на крутой... Дымилаь роща под горою, и вместе с ней горел закат, нас оставалось только трое. Как много их друзей хороших лежать осталось в темноте, у незнакомого поселка, на безымянной высоте. Уронили Мишку на пол оторвали мишке лапу, тише Танечка, не плач не утонет в речке мяч. Идет охота на волков, идет охота! На хмурых хищников, матерых и щенков! Светилась падающая ракета, как догоревшая звезда, кто хоть однажды видел это, тот не забудет никогда. Они до сей поры с времен тех дальних, летят и подают нам голоса, не потому так часто и печально мы замолкаем, глядя в небеса.

Бабушки слушали, и аплодировали, и приносили цветы. Я, кстати, играл с цветами, они были как бы люди и каждой цветочной семье я придумывал свою историю.

Я был богом. Мне было года четыре. Потом родители забрали меня в город, отдали в школу. В деревне я никогда не видел детей, и долгое время не мог привыкнуть к одноклассникам, а потом...

За дверью раздается шум. Крик Ильи: «Дура, уйди, отсюда!». В комнату врывается Аня.

Эдуард: Привет!

Аня: Эдик, замолчи! Ничего не будет. Ни выставки, ни биеннале.

Эдуард растерянно молчит и смотрит на всех по очереди.

Аня: Мы ввали. Про тебя делают спектакль, чтобы заработать. А сейчас они хотят спровоцировать тебя на попытку самоубийства, но я не знала этого с самого начала, правда! Прости меня!

Эдуард: Выставки не будет?

Аня молчит.

Эдуард: Никто не хотел купить мои картины? Никто не говорил, что я гений?

Аня: Прости меня.

Эдуард обхватывает руками голову. Людмила прячется за спину Ильи, он отходит на безопасное расстояние, продолжая снимать.

Вдруг Эдуард смотрит на Аню, хватая нож и с криком «Мраааазь!» бросается на Аню, и бьет ее ножом в живот. Люда кричит, Аня падает.

Картина тринадцатая

Судебная хроника.

Зоя Петровна: Мой сын был в состоянии аффекта. Они пришли в дом к тяжело больному человеку и попытались снять, чтобы показывать, как уroda, в театре. Да, он тяжело ранил девушку, но он был невменяем. Прошу вас признать его недееспособным и отдать под мою опеку. Я мать, я заботилась о нем 33 года, и позабочусь о нем сейчас.

Илья: Изначально продюсером этого проекта была Людмила, она предложила кандидатуру Эдуарда. Я просто организовал сбор материала для нашей истории. И знаете, она получилась, что доказывает наш международный успех.

Людмила: Бывает так: ты долго-долго ждешь, а потом видишь человека и готов на все, вообще на все, лишь бы он не ушел. Ты не думаешь, что будет завтра, послезавтра, через минуту, тебе плевать на друзей, родителей. Ты понимаешь: если он уйдет, будет невыносимо. Он становится наркотиком, как морфий для больных раком. Им же морфий дают, да? Почему вы не осуждаете онкобольных, а меня осуждаете?

Эдуард: Мой психиатр стал спокойнее. Он говорит, что мне сильно лучше. Я спокойно смотрю на ножи и на вены. Он говорит, от меня ушло все, что мешало мне жить. И что помогало, тоже ушло.

Пару лет назад на улице я встретил одного из тех садистов. Ему было лет 35, но выглядел на 60, он был обут в старые грязные кроссовки с дырками, но выглядел хуже, чем они. Я не почувствовал ничего. Я очень боюсь встретить Аню. Я ее ненавижу.

У меня появилась новая привычка: смотреть в глаза людям. Я пытаюсь понять, можно ли определить, когда человек тебя предаст.

Ангелина: Дамы и господа! Встречайте, спектакль «Наивное искусство»!

Актер, который играет Эдуарда, выходит к зрителям и начинает на коленях проходить вдоль первого ряда, останавливаясь у каждого зрителя и глядя ему в глаза.

Занавес открывается, на белый фон сцены выводится проекция лиц каждого из зрителей, которым актер подолгу смотрит в глаза.

В зале рядом сидят Аня и Люда, проекции их лиц выходят на экран.

**Сочи – Москва,
июнь 2014- февраль 2015**

